

Николай И. Цимбаев

(Москва)

АЛЕКСАНДР I И ПОЛЬША

В настоящем сообщении рассматривается только один аспект большой и сложной темы, а именно: Александр I и Чарторыйские. Подобная персонификация истории в данном случае представляется уместной, ибо дает возможность в деталях проследить зигзаги польско-русских отношений начала XIX в., определить механизм выработки польской политики Александра I и восприятие этой политики высшими слоями польского общества. Разумеется, в рамках такого подхода исследуются прежде всего намерения и планы сторон, нежели их практическая реализация, но очевидно, что изучение целевых установок Александра I и фамилии Чарторыйских имеет насомненный исторический интерес.

Начало сближения великого князя Александра Павловича с Чарторыйскими относится к 1795 г., когда при дворе Екатерины II появился (фактически как заложник) князь Адам Юрий. Между молодыми людьми установились отношения, которые можно оценить как дружеские, что и послужило главной причиной удаления князя Чарторыйского из Петербурга вскоре по воцарении Павла I. В этот, первый период их взаимоотношений вел кн. Александр Павлович и князь Адам Чарторыйский не имели ни политического опыта, ни влияния, были устранены от решения серьезных государственных вопросов, и возникшая дружба, несмотря на актуальность русско-польских контактов после 1795 г., оставалась их частным делом, хотя ее потенциальное значение (понятое Павлом I) было исключительно велико.

Став императором, Александр I вернул Адама Чарторыйского в Петербург, где тот вошел в число „молодых друзей” государя и стал членом Негласного комитета. Старшие современники воспринимали возвышение князя Адама как незаслуженное (как и остальных „молодых друзей”), но не связывали с ним каких-либо

особых польских планов Александра I. Таковых и не было. Вряд ли можно говорить об интересе Александра I к польским делам в первые (до 1805 г.) годы правления. Соответствующих свидетельств нет ни в официальной дипломатической корреспонденции, ни в журнале заседаний Негласного комитета, ни в частной переписке. Назначение в 1803 г. Чарторыйского попечителем виленского учебного округа свидетельствовало о его личном интересе к делам, которые императору представлялись второстепенными. В русском обществе это назначение осталось незамеченным, как и получение Виленским университетом особого статута.

Будучи фактическим русководителем российской внешней политики, Адам Чарторыйский к 1805 г. разработал план, составными частями которого были союз с Австрией и Англией, объявление войны Наполеону и последующее политическое переустройство Европы, включая создание (восстановление) польско-литовского государства в династической унии с Россией. До Аустерлица реализация этого плана шла успешно. Можно сделать вывод, что „план Чарторыйского” – не плод кабинетных упражнений польского патриота на русской службе, он – реальная внешняя политика Александра I, талантливым исполнителем которой был Чарторыйский. Вряд ли необходимо подчеркивать, что для российского императора главным в „плане Чарторыйского” была его антинаполеоновская направленность.

Внешним проявлением согласия Александра I со всеми частями „плана Чарторыйского” стал его визит в Пулавы, где его торжественно принимал отец автора плана князь Адам-Казимир. Визит в Пулавы происходил накануне битвы под Аустерлицем, которая похоронила „план Чарторыйского” и развеяла надежды польской общественности на Александра I. На смену прорусской ориентации польского общества пришла ориентация профранцузская, точнее пронаполеоновская.

Влияние Чарторыйских, которые были символом польско-русского сближения, упало как в Польше, так и в России, где поражение под Аустерлицем рассматривалось как итог безрассудной внешней политики. Александр I (как и в других аналогичных случаях, например, в деле М. М. Сперанского) умело переложил вину на своего друга и доверенного помощника. К 1807 г. А. Чарторыйский уходит со всех государственных постов, сохранив за собой управление виленским учебным округом. Создание Великого герцогства Варшавского парадоксальным образом укрепило в глазах Александра I авторитет А. Чарторыйского, который оставался главным советником императора в польских делах. Их переписка 1808–1811 гг. была весьма интенсивна.

Благожелательное отношение царя к фамилии Чарторыйских не изменилось и после того, как генерал Константин Чарторыйский, младший брат князя Адама, принял участие в кампании 1812 г. на стороне Наполеона. Позднее К. Чарторыйский стал генерал-адъютантом Александра I.

Во время Венского конгресса А. Чарторыйский поддерживал стремление Александра I присоединить к империи всю территорию Варшавского герцогства, высказывался за создание Царства Польского и проделал огромную работу в этом направлении. В этот период интересы Александра I и Чарторыйских практически совпадали, ибо обе стороны желали консолидации польских земель в рамках единого государственного образования.

Расхождения начались тогда, когда А. Чарторыйский, который прочился польской общественностью в наместники Царства Польского, убедился, что Александр I видит новообразованное государство „навсегда соединенным с Российской империей” (из польской конституции 1815 г.). Александр I, в свою очередь, видимо недооценил потенциальное влияние Чарторыйских в стране и почти демонстративно не дал А. Чарторыйскому важного поста в администрации Королевства Польского.

В исторической литературе конституция Царства Польского 1815 года справедливо оценивается как либеральная, выдерживающая сравнение с самыми передовыми государственными установлениями своего времени. Несомненно, что такой ее характер был итогом сложного переплетения европейских интересов (как они проявились на Венском конгрессе), отвечал развитым политическим представлениям польского общества и, не в последнюю очередь, вызван был стремлением Александра I при любых обстоятельствах (даже ценой согласия быть конституционным польским королем) закрепить Царство Польское в составе Российской империи. Последний фактор часто недооценивается. Между тем, достаточно очевидно, что именно ноябрь 1815 г. – рубежная дата в польской политике Александра I, когда он перестает (или почти перестает) рассматривать польский вопрос как составную часть международных отношений, как карту в игре европейских кабинетов и склоняется (очень осторожно, что, однако, не осталось незамеченным в его ближайшем окружении) к тому, что проблемы Царства Польского – сугубо внутримперское дело. Для Александра I польский вопрос из сферы дипломатии перешел в область внутреннего управления. Задолго до своего преемника он заложил основы той политики, которую принято считать николаевской и которая строилась на отрицании конституционного устава 1815 г.

Р.И.И.

В данном контексте следует существенно по-новому оценить знаменитую варшавскую речь Александра I, произнесенную в марте 1818 г. на заседании сейма. Обращаясь к польским слушателям, император произнес следующее: „Прежняя организация страны позволила мне ввести ту, которую я вам пожаловал, приводя в действие либеральные учреждения. Эти последние всегда были предметом моих забот, и я надеюсь распространить, при Божьей помощи, благотворное влияние их на все страны, которые промыслом даны мне в управление”.

В передовом русском обществе, – которое встретило образование Царства Польского с нескрываемым раздражением, усмотрев в либеральных свободах, дарованных полякам, принижение их победителей, – в этом обществе варшавская речь царя вызвала энтузиазм и надежды, быстро сменившиеся разочарованием, ибо никаких изменений в либеральном духе в России не произошло. Польская общественность не обратила на эту часть речи Александра I особого внимания. И напрасно. Фактически Александр I излагал план административной унификации, стирания границ между частями Российской империи, уравнивания граждан Царства Польского в правах с остальными подданными царя. Бесспорно, это был либеральный вариант, который учитывал „дух времени” и требования передовой русской общественности, в первую очередь будущих декабристов. Но в случае своей реализации этот вариант административной унификации (как и вариант консервативный, к которому в итоге пришло царское правительство) означал одно: ликвидацию даже иллюзорных надежд на воссоздание независимого польского государства.

Князь Адам Чарторыйский слишком давно и хорошо знал Александра I, чтобы поверить в его благие пожелания. Опытный политик понимал всю опасность превращения польского вопроса во внутреннее дело Российской империи. Но многолетнее следование в фарватере александровской дипломатии, общеизвестная личная близость к царю делали его политически бессильным. В польском обществе влияние князя Адама Чарторыйского неуклонно шло на убыль (до восстания 1830 г.), в глазах императора фамилия Чарторыйских выглядела недостаточно преданной интересам Российской империи. В 1823 г. Чарторыйский вынужден был под давлением Н. Н. Новосильцева, императорского комиссара в Царстве Польском, сложить с себя звание попечителя виленского учебного округа. Давняя и когда-то искренняя дружба завершилась полным разрывом.

Единственное, в чем преуспели Александр I и князь Адам Чарторыйский, – они, каждый по-своему, способствовали новому обострению русско-польских противоречий.

Mikołaj I. Cymbajew

ALEKSANDER I A POLSKA

Niniejszy artykuł prezentuje stosunki polsko-rosyjskie w początkach XIX w. poprzez pryzmat stosunków Aleksandra I z Czartoryskimi (przede wszystkim – Adamem Jerzym). Do pierwszego zbliżenia pomiędzy księciem Aleksandrem Pawłowiczem a Adamem Czartoryskim doszło na dworze Katarzyny II w 1795 r. Nie wiązały ich wówczas żadne interesy polityczne, lecz przyjaźń, jaka wytworzyła się pomiędzy młodymi ludźmi, nie patrzącymi przez pryzmat stosunków polsko-rosyjskich po 1795 r.

Po objęciu rządów przez Aleksandra I Adam Czartoryski do 1806 r. był faktycznym kierownikiem polityki zagranicznej Rosji. Stworzył on plan zawarcia przez Rosję sojuszu z Austrią i Anglią przeciwko Napoleonowi. Jednym z ważnych punktów planu było również stworzenie polsko-litewskiego państwa (kosztem Prus) pozostającego w unii dynastycznej w Rosję. Plan Czartoryskiego załamał się po bitwie pod Austerlitz, rozwiały się również nadzieje polskiego społeczeństwa związane z Aleksandrem I.

Kolejny okres współpracy Aleksandra I z Adamem Czartoryskim przypada na czasy kongresu wiedeńskiego. Pomimo iż wzajemne stosunki znacznie się oziębily, to łączyła ich współpraca w celu konsolidacji ziem polskich pod berłem cara. Drogi Aleksandra I i A. Czartoryskiego rozeszły się ostatecznie, kiedy okazało się, że car nie zamierza stworzyć niezależnego państwa polskiego oraz nie powołał księcia Adama na żadne stanowisko w administracji Królestwa Polskiego.

Liberalna konstytucja, jaką otrzymało Królestwo Polskie, była przede wszystkim wynikiem gry dyplomatycznej cara w okresie kongresu wiedeńskiego. Już od listopada 1815 r. dla współpracowników imperatora stało się jasne, iż kwestia polska przestała być dla Aleksandra I problemem europejskim, a traktowana była przez niego jako wewnętrzrosyjska. Począwszy od sejmku 1818 r. rozpoczęła się likwidacja jakże iluzorycznych nadziei Polaków na odrodzenie niezależnego państwa polskiego.